

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ И ОТРЕЧЕНИЕ НИКОЛАЯ II ОТ ПРЕСТОЛА: ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

В статье освещен процесс десокрализации императорской власти в России; анализируются процессы, которые привели к революционным событиям и к падению самодержавия; показана роль исторических персонажей в этих процессах; дается историографический анализ названных событий, их оценок и последствий для развития российской государственности; в этой связи большое внимание уделяется как личности Николая II, так и его ближайшего окружения.

Ключевые слова: десокрализация власти в России; взаимосвязь событий на фронте и в тылу; теория заговора; характеристика личности Николая II и его окружения; кризис власти в России; политическая элита в России и революционные события.

E. Borshchukova

PATRIOTIC FEELINGS AND ABDICATION OF NICOLAS II: CAUSE-AND-EFFECT RELATIONS

The article covers the process of desacralization of the imperial power in Russia. The author suggests the overview of the activities that encouraged the October Revolution, caused dethronement and analyses the role of various historical figures. The author also gives historiographical analysis of the above-mentioned events, their estimation and the impact they had on the development of Russian statehood. The special emphasis is made on the personality of Nicolas II and his inner circle.

Key words: desacralization of power in Russia; interconnection of the events on the front line and in the rear; hypothesis of conspiracy; personality characteristic of Nicolas II and his inner circle; crisis of power in Russia; political elite in Russia and the revolutionary events.

Общая тенденция патриотических настроений в России в период Первой мировой войны общеизвестна. В начале войны патриотизм был характерен для всех слоев российского общества. В значительной мере патриотизм проявлялся и в верноподданнических чувствах. Истоки верноподданнических чувств своими корнями уходили в глубину столетий, давно уже став одной из существенных российских традиций. Вместе с тем верноподданнические чувства нуждались в укреплении и обновлении. Понимая это, различные институты власти и представители Дома Романовых делали многое для того, чтобы императорская семья вызывала симпатию среди различных слоев населения страны. Важное место в формировании такой симпатии играла, в частности, благотворительная деятельность царского дома. По существу, Романовы были не просто крупнейшими благотворителями в Российской империи. Они были законодателями благотворительности во всей стране. По ним многочисленные вельможи, купцы, фабриканты и заводчики сверяли свою благотворительную деятельность. Романовы отличались от остальных благотворителей в России еще и тем, что первыми перенимали самые передовые «технологии» благотворительности, апробированные в Европе.

Под покровительством Дома Романовых действовали многочисленные российские

благотворительные ведомства. Романовы активно занимались призрением детей и юношества, призрением бедных, слепых и глухонемых, призрением увечных воинов и отставных военнослужащих [8, с. 318–319].

Свою роль в повышении популярности царской семьи сыграли в начале XX в. многочисленные массовые мероприятия, нацеленные на формирование в общественном сознании благоприятного образа русского государя и его близких. В частности, весьма эффективными оказались различные празднования. Среди них в первую очередь следует выделить широко праздновавшееся в 1903 году в столице и в других городах 200-летие основания Санкт-Петербурга, и в особенности празднование в 1913 году по всей России 300-летия Дома Романовых. Те празднования, а также ряд других мер организационного и агитационного порядка несколько сгладили отрицательное отношение части россиян к монарху и его семье, сформированное в ходе Первой русской революции 1905–1907 гг. Однако события Первой мировой войны существенно повлияли на отношение подданных к своему государю, к его родным и окружению.

По мере развития событий на фронте, по мере неудач, постигавших русскую армию, а также по мере резкого ухудшения социальной ситуации в тылу, патриотические

настроения среди российских подданных резко изменялись. Антипатриотические настроения стали характерной чертой того времени. Они были свойственны как социальным «низам», так и российской элите. Значительная часть даже монархически настроенного населения страны осуждала крайне доброжелательное отношение государя и его жены к Г. Распутину. Используя их безграничное доверие, сходное с фанатическим безрассудством, он лично влиял на государственную политику: добивался выгодных подрядов на армию, смены министров и других крупных государственных чиновников. В связи с его влиянием на царскую семью быстро нарастало негодование не только среди либерально-оппозиционных кругов, но и среди правых сил. В ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. группа заговорщиков во главе с князем Ф. Ф. Юсуповым убила Г. Распутину, что, с одной стороны, вызвало негодование императорской семьи и сторонников Г. Распутина, а с другой – нашло полное понимание среди представителей широкой общественности. Тем не менее, даже убийство Г. Распутина не стало стабилизирующим фактором в деле снятия социальной напряженности.

До сих пор не опровергнута широко известная гипотеза о том, что в начале 1917 года существовал так называемый великокняжеский заговор против Николая II, следствием чего и стало его отречение от престола. У этой гипотезы нет убедительных документальных подтверждений. Во многом она базируется на воспоминаниях современников, на повторении слухов того периода. Однако сама атмосфера, породившая такую гипотезу, свидетельствует о том, что антиниколаевские настроения, недовольство политическим руководством страной в тот момент проникла в самые верхние эшелоны власти, в ближайшее окружение государя.

Посол Великобритании в России сэра Бьюкенена писал: «Царь, живя в Ставке (в

Могилеве), не мог постоянно встречаться со своими министрами и был слишком занят военными вопросами, чтобы обращать усиленное внимание на все усложнявшееся внутреннее положение. В результате царица фактически управляла Россией...» [2, с. 123]. Неудачи на фронте, огромные людские потери, разруха, начавшаяся во всей стране, паралич власти вызвали резкое недовольство самодержавием во всех кругах российского общества. Председатель Думы М. В. Родзянко постоянно высылал в Ставку Николаю II телеграммы, в которых сообщалось о катастрофическом ухудшении ситуации в столице, но император им не верил. И в своем дневнике 27 февраля 1917 г. он писал о ситуации в Петрограде вскользь, почти как о рядовом событии.

Государственное мышление Николая II было столь ограниченным, что в новостях из столицы он сумел разглядеть лишь «нехорошие известия», а не масштабные внутриполитические события. В них он видел только беспорядок, не замечая качественных изменений общественных настроений, повлекших за собой крупные социальные перемены. Среди них – соединение усилий гражданского населения столицы и военнослужащих воинских частей Петроградского гарнизона.

Командующему Петроградским военным округом генералу С. С. Хабалову государь 25 февраля 1917 г. направил телеграмму, в которой повелевал «завтра же прекратить в столице беспорядки» [4, с. 266]. Действия войск лишь спровоцировали выступления революционно настроенных рабочих и военнослужащих, в результате чего наступили активные военно-политические события, приведшие, как известно, к падению царизма.

Император, его семья и приближенные менее чем за две недели до начала революционных событий жили спокойной, размеренной жизнью.

Праздность жизни первого лица государства не может не вызывать удивления.

Вероятно, в ней во многом следует искать ответ на вопрос о причинах драматического хода событий того времени.

Николай II не понимал масштабов событий, происходивших в Петрограде. Об этом лучше всего свидетельствуют записи в его собственном дневнике. 26 февраля столица бурлила от революционного негодования, а государь-император, находясь в Могилеве, вел размеренный и далеко не напряженный образ жизни, что видно из его дневниковой записи: «В 10 час. пошел к обедне. Доклад кончился вовремя. Завтракало много народа и все наличные иностранцы. Вечером играл в домино» [4, с. 624].

Вплоть до второго марта 1917 года, то есть до дня отречения от престола, Николай II, если судить по дневниковым записям, не задумывался над вопросом нормализации обстановки в столице, не считая отправки войск во главе с генералом Н. И. Ивановым в Петроград, которым ставилась задача «наведения порядка» в столице империи [4, С. 625].

Узнав о том, что попытка генерала Н. И. Иванова усмирить революционно настроенных рабочих и солдат в Петрограде не удалась, Николай II по совету председателя Государственной Думы решил отречься от престола. Он запросил по этому поводу мнения командующих фронтами. На вопрос о желательности отречения положительно ответили все, за исключением командующего Черноморским флотом адмирала А. В. Колчака, который телеграмму с ответом на имя Николая II не послал. В результате 2 марта 1917 г. царь подписал Манифест об отречении от престола. Через несколько дней в Могилеве Николай Александрович сообщил начальнику штаба русской армии генералу М. В. Алексееву: «Я передумал, прошу Вас послать эту телеграмму в Петроград» и передал собственноручно написанное согласие о вступлении на престол его сына Алексея. Генерал М. В. Алексеев унес текст телеграммы, но в Петроград его не отослал. Вероятно, он по-

считал, что отправка такой телеграммы запоздала, поскольку Манифест об отречении от престола Николая II и Манифест об отречении его брата Михаила были уже обнародованы

В разные годы были порой взаимоисключающие попытки осмыслить ситуацию, царившую в феврале–марте 1917 г. в России. По-разному авторы давали оценку и мотивации поступков Николая II. Среди промонархических взглядов на ситуацию представляет, в частности, интерес позиция А. Н. Боханова. Он отмечал: «Николай II до конца не оставлял надежды изыскать приемлемую форму взаимопонимания с общественными кругами. Хотя, казалось бы, чего проще: запрети эту думскую агрессивную говорильню до конца войны, как предлагали некоторые, вышли из столицы несколько десятков этих думских клеветников – и дело с концом! Но любой шаг, связанный с применением силы против своих подданных, был уже неприемлем для Николая. Царь всегда переживал, когда возникали братоубийственные беспорядки и кровавые эксцессы в стране, но в последние годы своего правления внутреннее неприятие императором насилия чрезвычайно усилилось. Это очевидное раздвоение личности: с одной стороны, правитель, обязанный для защиты авторитарной системы действовать вопреки гуманным принципам, а с другой – христианин, стремившийся к праведной жизни, постигающий истинный смысл бытия в смирении и любви. Эта вторая, важнейшая ипостась личности все больше и больше определяла мирские поступки. В эпоху хаоса и всеобщего озлобления такой политик не мог не проиграть свою партию. Этот проигрыш был запрограммирован историей давно, а незлобливость и внутреннее благородство (принимавшиеся часто за малодушие) лишь ускорили развязку.

Религиозное мировоззрение отстраняло внутренне Николая II от повседневной политической суеты, делало его больше со-

зерцателем, чем активным участником разворачивавшихся событий. Все будет так, как угодно Богу – такая установка означала бездействие и неизбежный конец. За четыре дня до открытия сессии Думы, 10 февраля 1917 г., император имел беседу с председателем Думы М. В. Родзянко и потребовал от него, чтобы, во-первых, Дума корректно относилась к правительству вообще и к отдельным министрам, а во-вторых, чтобы работа концентрировалась не в области демагогии и неосуществимых лозунгов, а в сфере разработки серьезных законодательных мер, направленных на улучшение дела в стране, особенно на решение продовольственного вопроса» [3, с. 378–379].

Нет сомнения в том, что автор этих строк А. Н. Боханов значительно идеализировал как поступки, так и внутренний мир последнего российского императора. Подтверждением тому служит еще один фрагмент из его работы: «Видевшие его в первые часы после отречения поражались удивительному самообладанию этого человека, которое вызывало непонимание и, естественно, критические замечания. Не так жил, не так правил и даже, как представлялось многим, не так отрекся. Бывшему царю готовы были бы простить душераздирающие сцены с воплями и стонами, но уж никак не отрешенность. Дело было в том, что внутренний мир Николая очень плохо знало даже ближайшее окружение, не понимавшее, что ему были ведомы более высокие ценности, чем обладание властью и вообще все атрибуты монархии» [3, с. 310–311].

При всей субъективности авторских оценок следует признать оригинальность его суждений и искренность стремлений, что позволяет лучше проследить причинно-следственные связи патриотических настроений россиян и отречения Николая II от престола.

В научной литературе есть многочисленные свидетельства очевидцев о реакции последнего российского императора на от-

странение от власти. Однако гораздо меньше сведений о том, как реагировала на его отречение российская императрица Александра Федоровна. Среди немногих свидетельств – воспоминания бывшего воспитателя цесаревича Алексея Николаевича Пьера Жильяра. Он, в частности, писал: «Около полудня до дворца доходит весть об отречении императора. Императрица об этом тоже узнает, но с негодованием отвергает этот слух, как злостную выдумку. Немного погодя приходит великий князь Павел и эту весть подтверждает. Сомнений нет. Император отрекся накануне вечером в Пскове в пользу своего брата Михаила Александровича.

Отчаяние императрицы беспредельно, но ее огромное мужество ее не оставляет» [5, с. 83].

Субъективность этих воспоминаний тоже очевидна. Автор несколько идеализирует образ государыни-императрицы, приписывая ей черты, которые Александре Федоровне не были свойственны. Однако Пьеру Жильяру удалось передать атмосферу того момента: смятение, нервозность царской семьи, непонимание сути происходивших событий, не говоря уже о непонимании перспективы.

Своеобразное видение ситуации в России в момент отречения Николая II от престола было у начальника оперативного отдела Генерального штаба Германии генерала Эриха Людендорфа, который в 1916–1918 гг. фактически руководил всеми вооруженными силами своей страны. В мемуарах германский полководец не обошел стороной факт отречения российского императора от престола. При этом он видел причину отречения во многом в поощрении Антантой революционных событий в Российской империи. Он считал, что русский царь начал войну против Германии по ее наущению [6, с. 188]. Однако считая причиной отречения Николая II от престола недовольство его деятельностью Антанты, он отмечал и другое важное обстоятельство

во: «Революция ярко высветила истинное положение вещей в России. Российское общество и его вооруженные силы насквозь прогнили, иначе революция была бы невозможна. Армия и там была частью народа и тоже с ним едина. Как часто я мечтал о русской революции, которая существенно облегчила бы нам жизнь; и вот она свершилась, совершенно внезапно, и у меня с души свалился тяжелый камень, сразу стало легче дышать. А что она позднее перекинется и к нам, об этом я тогда и подумать не мог» [6, с. 188].

Отречение Николая II от российского престола автор мемуаров расценивал как гибель российской государственности. По мнению Э. Людендорфа, в начале 1917 г. «Россия окончательно рассыпалась» [6, с. 191]. В отречении российского императора от престола он видел и крупные внешнеполитические последствия. Среди них, в частности, тот факт, что 5 апреля 1917 г. Соединенные Штаты Америки официально заявили о том, что находятся в состоянии войны с Германией. Немецкий генерал считал, что «этот шаг Америки был обусловлен развалом России» [6, с. 189]. Таким образом, немецкий стратег видел четкую причинно-следственную связь в отречении Николая II от престола и вступлением США в Первую мировую войну.

Такой взгляд Э. Людендорфа небезынтересен. Вероятно, американские политики расценили отречение Николая II как сигнал к созданию благоприятных условий для передела общероссийской, а если повезет, то и мировой собственности, активным участником которого американцы пожелали быть. Их выступление на стороне Антанты было лишь прикрытием отстаивания собственных геополитических интересов.

В историографии нет единого мнения о причинах, повлиявших на изменение социального настроения россиян по отношению к Дому Романовых и лично к Николаю II. Некоторые исследователи расставляют акценты таким образом, что среди главных

причин отрицательной динамики общественного мнения видят неудачную деятельность тех или иных персонажей из числа императорского окружения. Например, по-разному оценивается роль дяди государя – великого князя Николая Николаевича, бывшего до Николая II главнокомандующим вооруженными силами России, которого государь сместил с его поста, занял его сам и отправился в Ставку.

Совершенно другого мнения о Николае Николаевиче придерживался А. Я. Аврех. Он приводил в качестве примера распорядок дня великого князя Николая Николаевича в его бытность главнокомандующим: «Он вставал около 9 часов, умывался, молился богу. Затем к нему приходил доктор и шел разговор о здоровье. Потом дежурный адъютант приносил письма и телеграммы. После этого наступало время завтрака. К 10 часам Николай Николаевич выслушивал доклад генерал-квартирмейстера и решал с ним очередные вопросы. В 12 часов великий князь завтракал, в 4 часа пил чай, а перед этим “немного отдыхал”. Затем следовала прогулка на автомобиле, реже – верхом. В 6 часов великий князь (ежедневно) садился писать пространные письма жене в Киев. В половине восьмого был обед, в 9 часов 30 минут – вечерний чай. И так изо дня в день независимо ни от каких обстоятельств, какими бы чрезвычайными они не были. “Режим в ставке сразу установился строгий”, – подчеркивал Шавельский. По ночам Николая Николаевича никогда не беспокоили. У него было пять адъютантов, которым решительно нечего было делать. Один из них занимался тем, что завел голубятню и дрессировал барсука и лисицу. Кроме того, имелась большая свита, решительно ни к чему не пригодная, получившая прозвище “дачников”» [1, с. 187].

По мнению С. Скотта, А. Я. Авреха и ряда других авторов, именно ближайшее окружение Николая II во многом повлияло на формирование негативного отношения к

нему со стороны различных слоев российского общества.

Среди причин, помешавших Николаю II трезво оценить внутривластную обстановку в стране, была и его дезинформация о реальных настроениях среди населения. Например, в конце января 1917 г. государю императору была передана записка, в которой сообщалось, что «православно-русские круги» Киева и Киевской губернии «категорически утверждают, что подавляющее большинство трудового населения... несмотря на усиленную пропаганду революционных идей местной левой (т. е. либеральной) печатью, по-прежнему остается глубоко консервативным» и верным самодержавию [1, с. 229]. Таких «заверений» в последние месяцы и дни правления Николая II было немало. Они сыграли императору плохую службу, поскольку подталкивали его к бездействию. Вместо того чтобы предпринимать практические меры по снижению социальной напряженности в обществе, он пребывал в уверенности, что среди его подданных уже нет революционного накала, который был ему свойственен в 1905 г. Это заблуждение оказалось в числе роковых.

В последние годы в историографии стала занимать более прочные позиции промонархическая точка зрения на ситуацию вокруг российского престола в начале XX в. В ряде современных публикаций высказываются претензии к российскому обществу,

которое «не преодолело в себе революции», «не сделало выводов из той трагедии, которая произошла со страной в 1905–1906 годах» [7, с. 375]. Для некоторых современных авторов образцом являются строки «неизвестного» автора опубликованные в «Новом Времени» еще в 1906 г.: «Государю виднее. Да. Трон выше всего и много видно с него, чего не видно с кресел и стульев, трибун и кафедр. Государь знает гораздо больше каждого из нас. Возблагодарим Его. А если не сумеет теперешнее поколение, в торопливости мятущихся дней, оценить величие и индивидуальность подвига Государя, то тем выше, во исправление настоящего, поднимет Его имя историк» [7, с. 376]. Представляется, что подобные идеи не имеют ничего общего с научной оценкой исторического опыта февраля–марта 1917 г. Вероятно, уроки тех событий состоят в том, чтобы более реально оценивать складывавшуюся политическую ситуацию, более пристально следить за ее динамикой и, принимая решения, дальновиднее задумываться над их последствиями.

Отсутствие позитивного взгляда общества на действия властей – это, как показывает историческая практика, предвестник решительных социальных перемен. Возможно, это один из главных уроков, которые необходимо извлечь, оценивая взаимосвязь патриотических настроений жителей Российской империи и отречения Николая II от престола.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989. 251 с.
2. Алексеева И. В. Агония сердечного согласия. Л., 1990. 318 с.
3. Боханов А. Н. Николай II // Российские самодержцы. 1801–1917. М.: Международные отношения, 1994. 398 с.
4. Дневники императора Николая II. М.: Орбита, 1991. 625 с.
5. Жильяр П. Трагическая судьба русской императорской фамилии: Воспоминания бывшего воспитателя наследника цесаревича Алексея Николаевича. Красноярск: Красноярское книжное издательство, Центр «Лукоморье», 1990. 71 с.
6. Людendorф Э. Мои воспоминания о войне. Первая мировая война в записках германского полковника. 1914–1918. М.: Центрполиграф, 2007. 351 с.

7. *Мультатули П. В.* Строго посещает Господь нас гневом своим. Император Николай II и революция 1905–1907 гг. СПб.: Держава Сатисъ, 2003. 375 с.

8. *Хитров А. А.* Дом Романовых и российская благотворительность. Вторая половина XIX – начало XX века. Калининград: Изд-во КГТУ, 2004. 388 с.

REFERENCES

1. *Avreh A. Ja.* Carizm nakanune sverzhenija. M.: Nauka, 1989. 251 s.

2. *Alekseeva I. V.* Agonija serdechnogo soglasija. L., 1990. 318 s.

3. *Bohanov A. N.* Nikolaj II // Rossijskie samodержcy. 1801–1917. M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1994. 398 s.

4. *Dnevniki imperatora Nikolaja II.* M.: Orbita, 1991. 625 s.

5. *Zhil'jar P.* Tragicheskaja sud'ba russkoj imperatorskoj familii: Vospominanija byvshego vospitatelja naslednika cesarevicha Alekseja Nikolaevicha. Krasnojarsk: Krasnojarskoe knizhnoe izdatel'stvo, Centr «Lukomor'e», 1990. 71 s.

6. *Ljudendorf Je.* Moi vospominanija o vojne. Pervaja mirovaja vojna v zapiskah germanskogo polkovodca. 1914–1918. M.: Centropoligraf, 2007. 351 s.

7. *Mul'tatuli P. V.* Strogo poseshchaet Gospod' nas gnevom svoim. Imperator Nikolaj II i revoljucija 1905–1907 gg. SPb.: Derzhava Satis#, 2003. 375 s.

8. *Hitrov A. A.* Dom Romanovyh i rossijskaja blagotvoritel'nost'. Vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka. Kaliningrad: Izd-vo KGTU, 2004. 388 s.